

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Ачкасов В.А

РОЛЬ ЭЛИТ В ПРОВОЦИРОВАНИИ И ЭСКАЛАЦИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

В статье анализируется роль «этнических предпринимателей» в эскалации этнических конфликтов и трансформации их в этнополитические. Для этого ими осуществляется систематическая этнизация политических и социальных проблем. В результате конфликты, возникающие на почве конкуренции за доступ к власти и редким ресурсам, интерпретируются как проявление взаимной несовместимости этнических групп. Поэтому если государственные институты не предпринимают усилий, направленных на предотвращение политизации этничности или не имеют возможностей и ресурсов для этого, если слабы или отсутствуют посреднические институты гражданского общества возрастает риск, что перед конфликтующими этническими группами остро встанет дилемма безопасности.

Ключевые слова: этничность, этнополитические конфликты, политизация этничности, этнические предприниматели, дилемма безопасности, национализм.

Как утверждает известный американский исследователь Р. Брубейкер, «этничность не является предельным, далее не сводимым «источником» <...> конфликта <...> Скорее, конфликты, движимые битвами за власть между протестующими и власть предержащими, по-новому этнизируются, по-новому фреймируются в этнических терминах» (Брубейкер 2012:171). В то же время отношения господства и подчинения почти неизбежно приводят к возникновению противоречивых интересов и затем могут перерасти в конфликт. Поэтому подавляющее большинство конфликтов, определяемых как этнические, имеют с самого начала или приобретают по мере развертывания политическую состав-

ляющую, то есть в большей или меньшей степени они являются этно-политическими.

Однако дело здесь отнюдь не в том, что большинство конфликтов и серьезных проблем нашего времени являются этническими или «национальными», суть в том, что в современном мире доминирует дискурс, который именно через понятия «этничность», «нация» и «национальный интерес» описывает и интерпретирует многие актуальные экономические, социальные и политические проблемы. Согласно представлениям того же Р. Брубейкера, «этничность, раса, национальность являются по существу способами восприятия, интерпретации и представления социального мира. Они не вещи-в-мире, а точки зрения на мир. Поэтому, по его мнению, конфликт и «насилие становится «этническим» («расовым», «националистическим») благодаря значениям, которые придают ему преступники, жертвы, политики, чиновники, журналисты, исследователи, работники служб помощи и др. Такие акты фреймирования и нарративного кодирования не просто интерпретируют насилие — они конституируют его в качестве этнического» (Там же: 42, 40).

Из этого следует, что «хотя в риторике участников и объяснениях здравого смысла этнические группы рассматриваются как действующие лица этнического конфликта, фактически главными деятелями большинства этнических конфликтов — а тем более с элементом этнического насилия — являются не этнические группы как таковые, а разного рода организации в широком смысле этого слова и их уполномоченные и облеченные властью представители. В числе организаций — государства <...> и их организационные составляющие <...>, а также террористические группы, военизированные организации, вооруженные банды и свободно структурированные шайки; политические партии, этнические ассоциации, организационные структуры общественных движений, церкви, газеты, радио, телевизионные станции и т.д. <...> Поскольку они — организации — располагают определенными материальными и организационными ресурсами, они <...> способны к организованному действию и тем самым — к действию в качестве более или менее сплоченных акторов этнического конфликта» (Брубейкер 2012: 37-38).

Поэтому и выбор групповой этнической идентичности как самой значимой, как и маркеров этничности — это, конечно, не всеобщий выбор, а момент согласия только части политически активного меньшин-

ства, для которого участие в этом выборе по каким-то причинам важно. И сами эти маркеры «скорее следует рассматривать в качестве сырого материала для политической риторики, которая избирательно используется в целях включения (в группу — В.А.) или исключения» (Шлее 2004:52). Как точно отметил известный российский этнолог В.А. Тишков, «подавляющее число членов этнической группы ложится спать и встает не с вопросом “Кто мы?” (русские, татары, чувашы, чеченцы и т.д.), если, конечно, на их дома не падают бомбы именно в связи с подобными вопросами». Доминировать же в гражданских ориентациях и представлениях людей этнополитические установки могут лишь кратковременно, как правило, в период обострения межгрупповых отношений. Даже в случае массовой этнической мобилизации, выступление “всего народа” против чего-то или за что-то, есть лишь один из самых распространенных политических мифов. Зачастую же имеет место принуждение к всеобщему выступлению или поспешное к нему присоединение на этапе близкой победы, сулящей уже не гибель, а определенные дивиденды (вспомним “эффект безбилетника” М. Олсона). Так, в Боснии и Герцеговине, которую не без оснований называли ранее «Югославией в миниатюре» (по данным переписи 1991 г. мусульмане составляли 43,7% населения республики, сербы — 31,4%, хорваты — 17,3%, югославы — 5,5%) (Ралич 1992: 3-4) подавляющая часть населения вплоть до 1990-х гг. не придавала существенного значения этническому фактору. Так, доля межнациональных браков в Боснии и Герцеговине между боснийцами, сербами и хорватами достигала почти 12%, а в Сараево — даже 28%, в отличие от Косова, где сербы и албанцы крайне редко заключали браки с представителями иной этнической группы (см. Ян 2014: 188-189). По существу, этничность была навязана боснийским сербам, хорватам и мусульманам в ходе гражданской войны.

«Желание (значительной части населения Боснии — В.А.) быть «югославами» не защищало от того, что их уничтожали или изгоняли точно так же, как и «хорватов», «сербов» или «мусульман», а позднее — «косовских албанцев», и чтобы как-то защитить себя, людям приходилось объединяться с теми, кто был им подобен в этническом отношении. Это явление Диздаревич обозначил как «заложничество у ополченцев», — пишет Г. Шлее (Шлее 2004:13). В свою очередь, немецкий этнолог И.-М. Греверус, критикуя хорватских этнологов за ангажированные усилия по конструированию комплекса виктимизации (жертвы) у хорватов в период распада Югославии, справедливо заметила, что

путь от состояния жертвы определенного врага до превращения в «профессиональную жертву» ради формирования национального образа и реализации национальных претензий может быть очень коротким (Цит. по: Тишков 2007: 466). Очень скоро выяснилось, что образ жертвы был необходим, чтобы освободиться от моральных и гражданских обязательств во имя исторического реванша и как аргумент для выхода из правового пространства и оправдания вооруженной борьбы за «национальное самоопределение». Таким образом, усилиями политиков, интеллектуалов и боевиков, «мнимые этнокультурные различия стали реальным основанием не только для отчуждения общин, но и для их жестокого противостояния в ходе гражданской войны (Тишков, Шабаетов 2011: 193).

Как следствие, при изучении этнических конфликтов (особенно локальных) возникает проблема, которая связана с одной стороны «с субъективным отражением действительности внешними наблюдателями (этическая проблема)», с другой — «с восприятием и представлением конфликта членами сообщества, где происходит конфликт (эмическая проблема)». Объективность знаний о конфликтах часто находится в зависимости от психологической предубежденности исследователей, от стереотипов в способах сбора и репродуцирования данных и возникновении таких эффектов, как «нормативная самопрезентация» или «профессиональная слепота». Как справедливо отметил Майкл Игнатиефф по поводу этнических конфликтов в Югославии, «правда, которая имеет значение для людей, — это не фактическая или нарративная правда, а правда моральная или интерпретативная. И это всегда будет предметом споров на Балканах» (Ignatieff 1998: 175). Точно такая же судьба ожидает и конфликты на Северном Кавказе.

Группообразование в процессе развертывания конфликта, по мнению исследователей, может идти по разным основаниям:

- Общая идентичность (религиозная, этническая, региональная и т.д.)
В этом случае группы выделяют себя через отличительные признаки, маркеры и обозначаются как «мы-группы»
- Совместные цели (стратегические группы, которые часто используют одни и те же сети доверия).

Однако очень часто конституирование группы имеет несколько причин. Так, группы с общей идентичностью могут иметь также и стратегические цели. И наоборот, стратегические группы для усиления своей значимости или маскировки целей могут искать единые корни и общую

этнокультурную идентичность (Гуня, Келер, Цюрхер 2008: 32-33). Поэтому важно учитывать и то, что в одних случаях этничность может быть лишь «камуфляжем» политической борьбы за редкие ресурсы (например, борьба за «национальное самоопределение» народов Севера, которую вели в 90-е гг. XX столетия политические лидеры некоторых автономий российского Севера, на деле преследуя цели увеличения «объема» своей власти в нефте- и газоносных регионах РФ). В других же случаях речь может идти об «обратном камуфляже», когда за политическими лозунгами и декларируемыми целями скрывается острый этнический конфликт (например, борьба «демократического» руководства Республики Молдова против «прокоммунистического бастиона» в Приднестровье, за которым стоит острая проблема статуса русско-украинского населения этой части республики, особенно на фоне активного обсуждения проблемы присоединения Молдовы к Румынии в первой половине 1990-х годов прошлого века) (см. Тишков 1992: 25-26). Очень часто за этническим конфликтом может скрываться и конкуренция старожилов и пришлых за доходную «нишу» в экономике, соперничество за доступ к материальным ресурсам, к статусным должностям, к власти. При этом этническими предпринимателями осуществляется систематическая этнизация социальных проблем, что находит проявление:

- в редукции социальных различий к этническим, а социального взаимодействия — к взаимодействию между этническими (этнокультурными или этноконфессиональными) группами;
- в отождествлении культурной и этнической идентичности индивидов, фиксации культурной принадлежности в зависимости от этнической аскрипции. «Родившись «русским», индивид приписан к «русской культуре», родившись «евреем» или «чувашем» — к «еврейской» или «чувашской» культуре.

В результате конфликты, возникающие на почве конкуренции за доступ к власти и ресурсам, понимаются как проявление взаимной несовместимости этнических групп» (Малахов 2007: 105).

Однако в большинстве случаев этнополитические конфликты имеют статусную природу: предметом таких конфликтов чаще всего бывает политический статус, за который борются те, кто претендует на представительство интересов этнической группы. Поэтому одной из важнейших причин развертывания конфликта является изменение взаимодействия организаций, выступающих от имени этнических групп

или среды этого взаимодействия, при котором экономический или политический статус одной из них будет восприниматься как неприемлемый. Так, согласно ключевому положению концепции известного американского политолога Теда Гарра, (сформулированной на основе сравнительного изучения политического поведения 233 этнических групп за период с 1945 по 1989 гг., и изложенной в книге «Меньшинства как группа риска») — этнополитическое действие мотивировано глубоко укоренившимся недовольством людей своим коллективным статусом, которое акцентируется и стимулируется групповыми лидерами и этническими антрепренерами. Впрочем, причиной конфликта может служить не только недовольство социальным статусом и борьба за его повышение или борьба против дискриминации, но также опасение утратить уже имеющийся статус;

Именно эти обстоятельства, как свидетельствует исторический опыт как развитых, так и развивающихся стран, во многом обуславливают то, что зачастую с самыми радикальными требованиями, вплоть до выхода из состава государства (сецессии), выступают неразвитые, бедные регионы, на территории которых компактно проживает этническое меньшинство. При этом, как отмечает один из самых известных исследователей этнических конфликтов американский политолог Дональд Горовиц, «в момент принятия решения о сецессии экономические интересы элит и масс (объективно) расходятся. В то время как региону в целом предстоит пострадать в случае отделения, образованные элиты должны выиграть от создания нового, хотя и бедного государства. <...> Сецессия создает новые позиции, сокращая число претендентов на них. Поэтому передовые (элитные) сегменты отсталых групп обычно не сопротивляются сепаратистским порывам, но возглавляют их» (Horovitz 1985:238). В то время как массы — это те, кто меньше всего виновны в развязывании конфликта, и кто больше всего в нем страдает. Как представляется, сказанное верно не только в отношении сецессионистских этнополитических конфликтов в Африке, которые и исследовал Д. Горовиц, но и в отношении многих конфликтов на постсоветском пространстве, и в российских национальных республиках Северного Кавказа. И поскольку в современной России «вертикаль власти есть, по сути, система организованного подкупа национальных республик, сбой в ее функционировании повлечет за собой расползание всей патронажной ткани», — пишет А. Захаров. «Кремль, из-за ухудшения экономической ситуации неспособный выполнять свои обязатель-

ства перед национальными элитами, фактически освободит их от былых уз лояльности, а иные центры поддержания государственного единства — в лице той же партийной сети, независимого суда, свободной прессы — не смогут противостоять центробежным тенденциям в силу своего зачаточного состояния или отсутствия. <...> Иными словами, когда (неформальный) контракт теряет силу, более не обеспечивая защиту и покровительство меньшинствам, в первую очередь этническим и культурно-религиозным, их возмущение выливается в то, что политический курс на обособление, ранее представлявшийся нерациональным и даже немыслимым, теперь начинает казаться приемлемой опцией» (Захаров 2012: 112, 114). Одним из аспектов системы подкупа этнических элит может быть «постизм» (А. Гуня), который выражается в росте числа формальных постов и позиций во власти, лишь поверхностно связанных с выполнением реальных государственных функций. Так, по данным министра финансов РФ А. Силуянова, в Северо-Кавказском федеральном округе число госслужащих непомерно велико: если в среднем по РФ на 1000 жителей приходится 1,8 чиновника, то в Ингушетии — 4,6, в Чечне — 3,5. При этом в той же Чечне у госорганов почти в 4 раза больше служебных машин, чем в среднем по стране¹. Постизм может временно снижать напряжение, поскольку удовлетворяет амбиции отдельных лидеров и поддерживающих их кланов, но он, ни в коем случае, не устраняет причин конфликта. Со временем постизм превращается в страшное явление, поскольку созданные «посты» и позиции во власти нуждаются в подтверждении своего существования: раздутая армия — во враге, раздутые штаты полиции — в террористах и ваххабитах и т.д. (Гуня 2004: 83-88).

Тем не менее, этнополитические конфликты являются не только конфликтами интересов, но и конфликтами идентичностей, так как участие в конфликте преимущественно на основе групповых мотивов обязательно предполагает отождествление человека с группой, участвующей в конфликте, его этническую идентификацию. Как отмечает Т. Гарр: «Борьба в этнополитических конфликтах разворачивается не просто вокруг материальных или властных проблем, но ради защиты культуры группы ее статуса и идентичности», (Gurr 1997: 10), а «национализм внутренне связывает интерес и идентичность путем идентификации того, как мы должны определять свои интересы» (Брубей-

¹ См. Аргументы и факты, 2013, № 38. С.5.

кер 2010: 90). Этнический конфликт, по мнению Д. Горовица, возникает в результате групповой эмоциональной реакции, опирающейся на групповую солидарность, когда члены группы пытаются защитить некие общие ценности, порой имеющие символический характер. И только затем эмоциональная реакция, и групповая солидарность трансформируется в публичную деятельность, в четко оформленные позиции и притязания, для реализации которых создаются соответствующие структуры (см. Horovitz 1985). Причем чем меньше реальных различий существует между контактирующими группами, тем с большей силой проявляются претензии на основании именно выделяемых различий. Следовательно, не надо забывать, что этнополитический конфликт — это не только вооруженное или политико-правовое противостояние, это конфликт различных историософий, исторических нарративов и культурных символов и т.д.

Это зачастую порождает феномен «конкурирующих культурных и исторических традиций»: чаще всего, это противоборство этнических традиций в рамках мультикультурного социума, борьба за «историческое наследие» или конфликты между традициями представителей различных социальных групп. Так, для этнических предпринимателей внутри группы выгодно поддерживать представление о ней как о жертве дискриминации и репрессий, а свою деятельность представлять как борьбу «национального движения» за «национальное возрождение»; для чиновников государства, в котором проживает данная этническая группа, важно утвердить ее образ как группы, права которой неукоснительно соблюдаются, а вхождение в данное государство способствовало ее прогрессу. В то же время, для «этнических предпринимателей» на внешней родине данной группы наиболее приемлема стратегия «разоблачения имперской политики», формирования образа угнетаемого и бесправного меньшинства, оторванного от «Родины» и т.д. Период перестройки открыл широчайшие возможности для создания так называемой «национальной интеллигенцией» нарративов «колониального угнетения», «порабощения», «имперского гнета», «национального освобождения» и т.п. Все эти мифы содержали в себе серьезную конфликтную составляющую и на самом деле использовались для мобилизации этничности в ситуации борьбы за власть и приватизируемые ресурсы. Зачастую подобная «война интерпретаций», борьба с помощью той или иной выборки исторических фактов, становилась прологом к острым внутренним и межгосударственным политическим конфлик-

там. «Экспорт вины» обычно вызывал резкую реакцию со стороны обвиняемого государства. «В результате раскручивается спираль взаимных обвинений, дипломатических конфликтов и «сражений за прошлое», которые, вообще говоря, могут превращаться и в реальные войны» (Финкель 2011: 127). Так, «фронты исторического противоборства» являются важнейшей частью политики стран Южного Кавказа. И эти фронты исправно работают, формируя то, что известный этнополитолог Стюарт Кауфман назвал «символической политикой этнической войны». Поэтому, скорее всего, разрешение конфликтов здесь может начаться с «разрядки» именно на фронтах борьбы за непредсказуемое прошлое региона (см. Маркедонов). При этом «сражение за интерпретативное фреймирование и нарративное кодирование конфликта и насилия — это игры с высокой ставкой» (Р. Брубейкер), поскольку принятие этнического «значения» конфликта, как правило, повышает уровень сплоченности участников противостояния. Особенно этому способствуют жертвенные мифы. Анализируя структуру националистического мышления, американец Патрик Кольм Хоган выделил три прототипные нарративные формы: героизм, жертвенность и романтизм (Hogan 2009: 167-213). Однако в посткоммунистических странах с особым упором подчеркивается беспрецедентность и уникальность страданий, испытанных народами новых государств в тоталитарном прошлом. В результате, советская история предстает исключительно как цепь преступлений, совершенных преимущественно русскими, и жертв, понесенных народами постсоветских государств. Как отмечает российский историк А.И. Миллер, «историческая политика» вообще может проводиться исключительно с позиции жертвы, поскольку она явным образом требует использования прошлых страданий не только как внутренней мобилизующей силы, но также и для «экспорта вины» (Миллер 2008). В предельных случаях, концентрация на прошлых страданиях превращается в сотворение «национального Холокоста» — борьбу за признание международным сообществом геноцида против собственного народа. Эта политика сегодня широко используется во многих посткоммунистических государствах, прежде всего, в бывших советских республиках (см. Финкель 2011: 123-143). Можно вспомнить в связи с этим международную кампанию, организованную президентом Украины В. Ющенко по признанию мировым сообществом «голодомора» 1932 г. геноцидом украинского народа, который был организован советским руководством. Как отмечает в связи с этим М. Игнатъевф,

«мифы о невинности и жертвенности представляют собою серьезные препятствия на пути осознания ответственности, в равной мере как и мифы о жестокостях противоположной стороны» (Ignatieff 1998: 176).

Другая проблема — «циклическая природа многих этнополитических конфликтов. Мобилизация одной из сторон конфликта обычно ведет к соответствующей контрмобилизации ее противников. Эскалация конфликта одной стороной практически гарантирует ответную аналогичную реакцию другой. В результате насилие порождает насилие, и конфликт развивается как обмен ударами. Изначальный повод нередко забывается, и ему на смену приводятся все новые и новые аргументы, интенсифицирующие процесс. Эти аргументы могут применяться политиками для мобилизации сообществ на этнической основе. Порочный круг оказывается очень сложно прервать и вернуться к изначально поставленной проблеме» (Грибанова 2007: 6-7). Однако и мобилизация одной из сторон этнополитического конфликта при демобилизации другой серьезно затрудняет, по мнению исследователей, возможность диалога и поиск компромиссных решений, делая практически неизбежным перерастание конфликта в манифестную фазу.

Как справедливо отмечает Г.У. Солдатова, «достоинство, гордость, обиды, страхи являются важнейшими критериями межэтнического сравнения. Эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней, формирующиеся в процессе социализации индивида» (Солдатова 1998: 62). Действительно, очень часто в основе этнополитического конфликта лежит некое иррациональное начало, кроющееся в культурных стереотипах, неудовлетворенных (мнимых и реальных) исторических обидах, мифологизированных представлениях друг о друге и т.п. При этом неприятие любого инакомыслия обуславливает дуалистический взгляд на мир, который оказывается разделенным на абсолютное благо и абсолютное зло, что провоцирует жесткое противостояние носителей высшей правды и тех, кто препятствует ее осуществлению. В результате «другой человек является либо кровным родственником, либо недругом, особенно когда посреднические звенья в виде институтов гражданского общества отсутствуют» (Horovitz 1985: 62-63). Именно вследствие этой чрезмерной эмоциональной составляющей этнической идентичности, этнополитические конфликты отличаются высокой степенью иррациональности, выражающейся в огромном потенциале агрессивности, ненависти и враждебности, далеко выходящих за рамки

рационального осознания интересов сторон конфликта и выбора стратегии взаимодействия.

Специфической характеристикой динамики этнополитического конфликта, связанной с его иррациональностью, является большой потенциал эскалации конфликта и, как правило, быстрая его эскалация. Поэтому, как утверждает американский исследователь М.Д. Тофт возможность «перерастания этнического конфликта в вооруженное противостояние с центральной властью в два раза выше, чем подобная вероятность для иных типов внутренних конфликтов. А шансы, что внутренний конфликт перерастет в обычную, то есть межгосударственную войну, в четыре раза выше для этнических конфликтов» (см. Toft 2003).

По мнению Д.Брейли, национализм «государственного большинства» возникает и активизируется лишь в ответ на утверждение своей отдельной идентичности со стороны этнических меньшинств. Национальное самосознание у доминирующих групп, таким образом, вторично и реактивно по отношению к сознанию культурно отличного от них подчиненных этнических общностей (Breuilly 1982: 53). Действительно; именно самозащитные (т.е. реактивные), а не наступательные моменты всегда играли важнейшую роль в формировании русского «Мы». Все это, в частности, до поры затрудняло осуществление стратегии этнополитической мобилизации русских. В тоже время, как отмечает Д. Конверси, «избыток чересчур усердствующего централизма часто вызывает гомеостатическую реакцию, которая, в свою очередь, порождает мощное движение национализма на периферии» (Conversi 1995: 73).

Огромную роль в эскалации этнических конфликтов, трансформации их в этнополитические играет деятельность «этнических предпринимателей». Применительно к их деятельности можно вести речь об «идеологическом производстве конфликтов» (В. Малахов), поскольку для того, чтобы этнические предприниматели могли манипулировать массами, одного их желания недостаточно, важно «затронуть ту струну в умах и сердцах людей, которая может отозваться» (Л. Дробижева). Так, специалисты называют конфликт в Кондопоге «эталонной схемой эскалации этнополитического конфликта»: 1) Он возникает как локальный конфликт экономических интересов: «Инициаторами конфликта в Кондопоге, напоминает В. Тишков, — стали местные «братки»: им хотелось бы спалить азербайджанский ресторан и на его месте построить свой, спалить чеченскую лесопилку, работавшую в пригороде Кон-

допоги, и поставить свою»; (Тишков 2008: 45-46) 2) Городские власти, как и власти Республики Карелия, никак не отреагировали на ЧП в ресторане «Чайка», предпочитая его замолчать, а в дальнейшем отрицать этническую составляющую конфликта; 3) Отсутствием официальной информации о ЧП воспользовались активисты «Движения против нелегальной иммиграции», стремясь превратить локальный конфликт экономических интересов в масштабный этнополитический и получить политические дивиденды: на Интернет-форуме Кондопоги начали появляться сообщения, составленные, якобы, от имени местных жителей, в которых живописалась жестокость нападавших кавказцев. Появились также «посты» «соратников ДПНИ» из различных регионов, рекомендовавших горожанам использовать их «успешный опыт» избавления от «инородцев»; 4) При этом активисты ДПНИ попытались развить успех, объявив о проведении «народных сходов» в Петрозаводске и Олонце, стремясь расширить географическую базу конфликта и преобразовать его в этнополитический; 5) Политические дивиденды от событий в Кондопоге, помимо ДПНИ, постарались получить и некоторые российские политики, сделав из локального конфликта экономических интересов глобальные политические обобщения и выводы (депутаты Госдумы В. Жириновский, Н. Курьянович, А. Савельев и др.:

- «Зачистить весь Кавказ» или «отгородиться от Кавказа стеной, наподобие китайской» — Н. Курьянович;
- Ужесточить миграционное законодательство, в том числе для внутрироссийских мигрантов — В. Алкснис;
- «Самоорганизоваться для сопротивления этнической мафии» — А. Савельев и др.

Эскалации конфликта способствовала и непрофессиональная реакция на него в СМИ, как региональных, так общероссийских и др. В.А. Авксентьев и его коллеги предложили определять такого рода сложносоставные конфликты как блоковые, которые определяются ими как «формирование единого конфликтного процесса при слиянии разнородных локальных предконфликтных, конфликтных и постконфликтных событий на основе общей доминанты, не обязательно представленной в качестве основной в каждом конфликтном событии в отдельности» (Авксентьев, Зинев, Лавриненко и др. 2011: 61). К числу такого рода конфликтов в РФ они отнесли события в селе Яндыки Астраханской обл. в 2005 г.; Кондопоге в 2006 г.; в Ставрополе в 2007 г., в Пугачеве летом 2013 г. и районе Бирюлево-Западное в Москве и др.

Поэтому если государственные институты не предпринимают усилий, направленных на предотвращение политизации этничности, обеспечение коммуникации между этническими группами и обуздание их притязаний (или не имеют возможностей и ресурсов для этого), если слабы или отсутствуют посреднические институты гражданского общества возрастает риск, что перед конфликтующими этническими группами остро встанет дилемма безопасности. Согласно концепции американца Б. Позена, дилемма безопасности возникает, в условиях ослабления или коллапса центральной власти. Это открывает «окно возможностей» перед «этническими предпринимателями» меньшинств государства. Однако при таких обстоятельствах националистическая мобилизация одной из групп может интерпретироваться другой как угроза, особенно при наличии негативного исторического опыта в их взаимоотношениях. При этом следует учитывать, что существует тенденция «преувеличивать различия между политическими группами и преуменьшать разнородность внутри самих групп» (Kowert 1998: 108-109). Другими словами, как правило, переоцениваются не только сплоченность самой группы, но и ее отличия от других групп. Более того, существует тенденция «объяснять поведение “чужих” групп, ссылаясь на их интересы или намерения, в то время как поведение “своих” считается обусловленным внешней средой. В результате кажущееся усиление “чужих” лишь укрепляет представление членов «своей» группы о том, что “чужие” целенаправленно стремятся к усилению своих собственных позиций» (ibid: 109).

Не случайно многие исследователи этнических конфликтов считают, что он порождается ощущением угрозы безопасности, возникающей у членов одной этнической группы, в ситуации, когда им не известны намерения другой этнической группы, к которой они настроены враждебно или которой приписывают враждебные намерения (см. Harff, Gurr 2004).

В результате стороны начинают представлять свои противоречия с противостоящей группой как угрозу безопасности для членов данного сообщества. Эти ощущаемые (приписываемые или провоцируемые) угрозы могут служить стимулами для упреждающей атаки или, по крайней мере, для ответной этнополитической мобилизации, которая, в свою очередь воспринимается или интерпретируется лидерами другой группы как угроза их безопасности. Это порождает мобилизационную спираль, и может привести к началу насильственных действий.

Таким образом, «усилия каждого из участников по обеспечению собственной безопасности приводят, напротив, к возрастанию вероятности вооруженного столкновения» (Posen 1993: 103-104)

В условиях межэтнического конфликта, имеющего глубокие исторические корни и уже переросшего в вооруженную форму, очень часто «зверства, совершаемые конкретными людьми, скрываются за национальными ярлыками, и ответственность возлагается на целый народ. Когда конкретные убийцы уничтожали мирных жителей во имя нации, в тех, кому удалось спастись от этих зверств, тоже пробуждалось чувство ненависти на национальной почве. Когда месть была осуществлена, то выжившие с обеих сторон видели друг в друге врагов, напавших первыми, пропагандисты (*этнические предприниматели* — В.А.) приравнивали обе стороны конфликта к нациям, которые они представляли. Благодаря предсказуемым актам мести, националистической риторике и силе языка, то, что началось с нападений небольшого количества людей на ряд населенных пунктов, переросло в войну одного народа с другим» (Снайдер 2013: 194-195). Такова, по мнению Тимоти Снайдера, политическая логика этнических чисток, переросших в гражданскую войну украинцев против поляков в Галиции и на Волыни в 1941-1944 гг. Он же отмечает особую роль немецкой оккупационной власти в провоцировании и эскалации этого конфликта: «После 1941 г. немецкие оккупанты, — пишет Снайдер, — предложили украинцам на Волыни организовать преследования поляков (*занимавших до Второй мировой войны привилегированное положение в Галиции и на Волыни* — В.А.) (1941-1942 гг.), а затем дали полякам возможность ответить украинцам той же монетой (1943-1944 гг.). Обычно эти меры предпринимались с целью поддержания порядка — разделение было инструментом властвования, а не самоцелью, хотя зачастую оно приводило к росту численности и лучшему вооружению партизанских отрядов, сформированных по национальному признаку» (Снайдер 2013: 173).

Как представляется, эта политическая логика универсальна, поскольку дилемма безопасности повышает вероятность эскалации насилия между этническими группами и создает труднопреодолимые сложности для медиаторов и одновременно дополнительные возможности для провокации конфликта. В данных условиях каждая из сторон будет (обоснованно или нет) ожидать, что другая группа воспользуется слабостью и потворством со стороны государства / власти и нанесет удар или протолкнет свою «политическую повестку дня». В целях само-

защиты противостоящая группа почти неизбежно предпримет из предосторожности упреждающие меры, которые, однако, могут быть интерпретированы противоположной стороной как акт агрессии (К. Цюрхер).

Не случайно западные эксперты отмечали, что главной задачей для посткоммунистической Югославии также было разрешение дилеммы безопасности для национальных меньшинств. Так, С.Л. Вудуорт, проанализировав ситуацию в Югославии на рубеже 80-х — 90-х гг. XX века, продемонстрировал, что кумулятивный эффект экономического кризиса, усугубившего экономическое неравенство между республиками, слабеющего центрального государства, разыгрывание «националистической карты» лидерами всех республик федеративной Югославии и признания другими странами составляющих ее наций (*прежде всего, признание ФРГ независимости Словении и Хорватии — В.А.*), которые еще не были способны действовать как «государства», создал дилемму безопасности для меньшинств (сербов — В.А.) в новых признанных государствах, что, несомненно, способствовало эскалации этнополитических конфликтов (см. Woodward 1995). «В Сербии национализм выступил на первый план, когда в 1987 году коммунистический лидер Слободан Милошевич, впервые после Тито, стал разыгрывать националистическую карту, — пишет Д. Смит. В следующие два года последовала реакция, сначала в Словении, потом в Хорватии. Как только лидеры разных республик подхватили риторику националистического противостояния, появилась движущая сила, которая, в сочетании с системой чередующегося президентства, привела страну к распаду.

Однако Милошевич действовал не из стремления развалить Федерацию. Его первоначальной целью было мобилизовать поддержку, чтобы захватить контроль над правящей партией (*а значит и властью в Сербии — В.А.*). Примером того, как Милошевич использовал широкое недовольство в своих целях, стал 50-страничный меморандум, выпущенный Сербской академией искусств и наук в 1986 г. В этом ставшем знаменитом документе шестнадцать ученых на разные лады выражали протест против ущемления прав сербского населения, закрепленного в Югославской конституции 1974 г., и особенно против геноцида сербов в Косово.

В данной ситуации не имеет значение, верил ли Милошевич в эти обвинения и чувствовал ли сам обиду и несправедливость, которые использовал для политической мобилизации. <...> Ключевым вопросом

было то, ощущало ли несправедливость и угрозу само население, и смогли бы (и стали бы) это использовать разные политические лидеры <...> Так в бывшей Югославии ни Милошевич, первый разыгравший националистическую карту, ни лидер Словении Милан Кучан, который сделал это позже, не отличались до этого националистическими взглядами. Напротив, лидер Хорватии Франьо Туджман, лидер мусульман Боснии Алия Изетбегович и несколько претендентов на роль лидера косовских албанцев (Ибрахим Ругова, лидер «Освободительной армии Косова» (ОАК) Хашим Тачи и др.) могут считаться принципиальными националистами. Несмотря на различия в установках на личном уровне, они пришли к власти примерно по одному и тому же сценарию, ключевым элементом которого была всеобъемлющая мобилизация на базе лозунга о национальной несправедливости. Это соперничество жалоб на несправедливость и создало ту взрывоопасную смесь, которая разорвала Югославию на части» (Смит 2007: 127-128). Кроме того, для эскалации конфликта и перерастания его в вооруженное противостояние или для интернационализации конфликта этнические предприниматели могут организовывать провокации. Так, во время осады сербскими войсками города Сараево, в 1992 году была расстреляна очередь за хлебом. Президент мусульманского анклава Боснии Алия Изетбегович обвинил в расстреле мирной очереди сербскую армию. Позже комиссия ООН выяснила, что расстрел очереди был организован самими мусульманами, для того, чтобы спровоцировать вмешательство западных государств в сербо-мусульманский конфликт. Но уже ничто не могло остановить военное вмешательство Запада, было уже поздно (см. Лимонов 2014: 9).

Как утверждает В.А. Тишков: «этнический радикализм и этнические войны появляются не там, где их вызывает групповой страх, который некоторые ученые называют среди главных причин этнических войн, а там, где или само государство поощряет этнический партикуляризм и строит на нем систему управления, как это было в СССР и как это продолжает быть в постсоветских государствах, или где государство утрачивает способность поддерживать порядок и обеспечивать контроль над военными арсеналами, позволяя появление нерегулярных вооруженных групп во главе с этническими предпринимателями или безответственными авантюристами. Именно там и тогда внутренними и внешними усилиями конструируется образ «порабощенного народа», борющегося за свободу и независимость» (Тишков 2007: 474).

Политический конфликт в процессе его развертывания может приобрести этническое основание/окраску. Конфликты политических элит разного уровня (например — центральной и региональной) могут возникнуть как ресурсные. Однако в случае их игнорирования или неудачных попыток их разрешения, они могут превратиться в конфликты идентичностей. При этом чем дольше будет продолжаться конфликт, тем все большее число людей будет в него вовлекаться, связывая с его разрешением на сохранение/повышение своего достоинства, престижа и статуса, групповой идентичности.

Практически во всех случаях этнополитические конфликты являются многофакторными и имеют несколько объектов конфликта и проблемных зон (например, территориальный спор, проблемы политического или социального статуса этнической группы и этноконфессиональные противоречия). Как пишет В.А. Авксентьев, ситуация на юге России «...определяется рядом системных факторов и противоречий, которые необходимо учитывать при прогнозировании динамики конфликтного процесса. Противоречия и конфликты, сложившиеся на этой территории, можно определить как: а) противоречия и конфликты между федеральным центром и субъектами федерации на Северном Кавказе, среди которых наибольшей остротой (в 1990-е годы — прим. В.А.) обладает чеченский кризис; б) этнотерриториальные конфликты, крупнейший среди которых — осетино-ингушский конфликт, вылившийся (в начале 1990-х гг.) в вооруженные действия; в) этностатусные конфликты, связанные с взаимоотношениями титульного и нетитульного населения, этническим аспектом доступа к власти, проблемой разделенных (лезгины, осетины) и «негосударственных» (абазины, ногойцы) народов; г) этноэкономические конфликты, связанные с этническими предпочтениями в трудовой деятельности, разделом сфер влияния между этническими общинами и перераспределением собственности; д) этноконфессиональные проблемы, обусловленные использованием религиозного фактора в этнополитической мобилизации; <...> е) потенциал формирования в регионе конфликта идентичностей» (Авксентьев 2005: 93,95). Даже такой «...социальный ресурс, как образование, — отмечает В.Маляхов, — включает в себе и «материальную», и «нематериальную», символическую составляющую. С одной стороны, доступ к образованию непосредственно связан с возможностью повышения социального статуса членов этнической группы. С другой стороны, сам факт наличия национальных школ и университетов важен в символическом плане.

Свой университет — предмет гордости группы, важная составляющая ее символического капитала. Поэтому закрытие университета часто служит поводом для конфликта или поворотным пунктом в его эскалации. Так случилось в начале 1990-х гг. в Сухуми (Абхазия) и в конце того же десятилетия в Приштине (Косово)» (Малахов 2005: 246).

Однако в этнополитических конфликтах высокой степени интенсивности чаще всего сочетаются два фактора. «Первый из них связан с идентичностью: политическая мобилизация происходит на основе групповой идентичности, базирующейся на общности этничности, расы, религии, культуры, языка и т.п. Второй — с проблемой распределения, то есть с тем, каким образом происходит разделение экономических, социальных и политических ресурсов внутри общества. В тех случаях, когда ощущаемый дисбаланс в распределении сочетается с различиями в идентичности (там, где, например, какая-либо этническая группа лишена доступа к тем ресурсам, которыми располагают другие)», (Грибанова, Сидоренко 2007: 5–6) мы имеем питательную почву для развития этнополитического конфликта.

В то же время следует отметить, что исторические корни некоторых из современных конфликтов кроются в противоречии между этническими и политическими принципами социального структурирования, которое, по существу, является противоречием между «этнотомом» или этнической группой (*понимаемыми примордиально — В.А.*) и формирующейся нацией европейского типа (*нацией — согражданством — В.А.*). Не случайно этнический национализм <...> ставит знак равенства между понятиями «этнос» и «нация». Названное противоречие имеет место во многих странах независимо от уровня их экономического и политического развития. Особенно острым оно оказывается в странах, где имеет место сложный этнический состав населения, этничность натурализована и политизирована, а процессы нациестроительства не завершены, т.е. у населения страны не сформирована в должной степени национальная (государственная) идентичность (СФРЮ, Россия и почти все постсоветские государства). Так, нация большинством наших соотечественников и граждан постсоветских государств по-прежнему понимается как этнокультурная или этно-племенная общность,¹ а государ-

¹ Так, согласно данным Независимого института социальных и национальных проблем, в 1996 году более 45% русских хотели сохранить в паспорте официальную регистрацию этнической «национальности», тогда как, только

ство «воображается» как «государство определенной этно-национальной группы». В такую концепцию идентичности вполне вписывается установление нового договора, уже не между индивидами и государством, а между этническими общинами и государством, что предполагает «натурализацию» «воображаемых сообществ», превращение их в основных субъектов политики. Поэтому, для того чтобы государство соответствовало этому идеалу, его необходимо «национализировать», то есть сделать его «собственностью» этнонации, «поощряя язык, культуру, демографическое преобладание, экономическое процветание или политическую гегемонию этнокультурной нации, номинально являющейся государствообразующей». В результате, отнюдь не все население и даже граждане страны могут включаться в нацию и наделяться равными гражданскими правами, из нее исключаются те или иные меньшинства (так называемые, русскоязычные во многих постсоветских странах), и, конечно же, мигранты, особенно так называемые «видимые мигранты». Так, в нашем Отечестве некоторые этнические группы являясь меньшинствами в населении страны, составляют большинство или признаны «титულными этносами» в национальных республиках, где они проводили в 1990-е годы дискриминационную политику в отношении представителей других этнических групп. «В России примордиалистские взгляды на этничность будут очевидно преобладать до тех пор, пока не изменится институциональная среда ее производства (*этнофедерализм, языковая и образовательная политика, националистический дискурс в массмедиа, переписи населения, навязывающие этнические классификации и др.* — В.А.), — отмечает С.В. Соколовский. Дополнительным фактором устойчивости примордиализма остается национализм этнических элит и этнократических режимов в некоторых республиках» (Соколовский 2004: 75).

Поэтому прочность политической консолидации, которую обеспечил В.В. Путин в годы своего президентства и премьерства, не должна вводить в заблуждение; фундаментальные проблемы страны, в том чис-

23% возражали против этого (по данным опроса в декабре 1997 года — 59% опрошенных русских считают, что в паспортах необходимо оставить графу “национальность” и 32,7% полагают, что ее следует отменить), 49% опрошенных признали национальность природным качеством, которое не может быть изменено. Либеральную точку зрения, согласно которой национальность есть вопрос политического выбора, поддержали менее 10% опрошенных.

ле в сфере межэтнических отношений, решаются крайне неудовлетворительно. Если двадцать лет назад всенародно избранные президенты и элиты республик в составе РФ сумели «приручить» и канализировать агрессивный этнонационализм, использовать его как ресурс в торге с федеральным центром за особый статус и экономические преференции, то сегодня, когда этот национализм глубоко пророс в ткань республиканских политических режимов, окреп интеллектуально и организационно, назначенные Центром главы исполнительной власти вряд ли справятся с этой задачей. Причины регионального этносепаратизма не устранены, проблема просто загнана «внутрь» и/или источник конфликтов «залит» деньгами, но при ухудшении социально-экономической ситуации в стране угроза распада России по этническому основанию опять может стать чрезвычайно актуальной.

ЛИТЕРАТУРА

Авксентьев В.А. Тенденции развития этноконфликтной напряженности на юге России // Конфликтология. Ежеквартальный научно-практический журнал. СПб., 2005. № 1. С. 93, 95.

Авксентьев В.А., Зинев С.Н., Лавриненко Д.А., Лепилкина О.И., Майборода Э.Т. Этнополитические процессы на юге России: от локальных к блоковым конфликтам. Ростов—на-Дону: Изд. ЮНЦ РАН, 2011. С. 61.

Аргументы и факты. 2013. № 38. С.5.

Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 90.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 171.

Грибанова Г.И., Сидоренко А.В. Федерализм и разрешение этнополитических конфликтов в современном обществе // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза: 2007. Т.3, № 3. С. 5-7.

Гуня А. Северный Кавказ: распределение ресурсов и власти на локальном и региональном уровнях // Berliner Osteuropa Info. 2004. № 21. С. 83-88.

Гуня А., Келер Я., Цюрхер К. Эмпирические исследования Локальных конфликтов. Часть 1. Введение в методологию и методы полевых исследований. М.; Берлин: Медиа-Пресс, 2008. С. 32-33.

Захаров А. «Спящий институт»: Федерализм в современной России и в мире. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 112, 114.

Лимонов Э. Гангстеры // Известия. 2014. 27 января. С. 9.

Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М.: КДУ, 2005. С. 246.

Малахов В.С. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 105.

Маркедонов С. Исторические фронты Южного Кавказа // Мониторинг СМИ. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/articles/10246.html>.

Миллер А. Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России // Отечественные записки. 2008. Т. 5. № 44. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=46&article=1735>.

Ралич П. Кто есть кто в Боснии и Герцеговине. Белград, 1992. С. 3-4.

Смит Д. Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бегрховского центра. М.: Наука, 2007, с. 127-128.

Снайдер Т. Реконструкция наций. Москва-Вроцлав: Летний сад; Коллегия Восточной Европы им. Яна Новака-Езераньского во Вроцлаве, 2013. С. 194-195.

Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М.: Привет, 2004. С. 75.

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. С. 62.

Тишков В.А. Чечня как сцена и как роль // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. / Сост. и отв. ред. В.В.Бочаров. Т. 2. Политическая культура и политические процессы. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 466- 476.

Тишков В.А. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 2. Ч. 1. М., 1992. С. 25-26.

Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие — основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008. С. 45-46.

Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М.: Изд. Московского университета, 2011. С. 193.

Финкель Е. В поисках «потерянных геноцидов» // Pro et Contra. 2011. № 3-4, С. 127.

Шлее Г. Управление конфликтами: теория и практика. М.: Deutsch-Russischer Austausch e.V., 2004. С. 52.

Ян Э. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 188-189.

Brennly J. Nationalism and the State. Manchester: Manchester University press, 1982. P. 53.

Conversi D. Reassessing Current Theories of Nationalism: Nationalism as Boundary Maintenance and Creation // Nationalism and Ethnic Politics. 1995. Vol. 1, No. 1. P. 73.

Gurr T. Why Do Minorities Rebel? // Federalism against ethnicity? : institutional, legal, and democratic instruments to prevent violent minority conflicts / ed. by Günther Bächler. Chur [Switzerland]: Verlag Rüegger, 1997. P. 10.

Harff B., Gurr T.R. Ethnic conflict in World Politics. 2 nd ed. Boulder, CO: West-view, 2004.

Hogan P.C. Understanding Nationalism: On Narrative, Cognitive Science, and Identity. Columbus: Ohio State University Press, 2009. P. 167-213.

Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 238.

Ignatieff M. The Warrior s Honor. Ethnic war and the modern Conscience. London: Chatto & Windus, 1998. P. 175.

Kowert P. Agent versus Structure in the Construction of National Identity // International Relations in a Constructed World / V. Kubalkova, N. Onufand P. Kowert (eds.). New York: M.E. Sharpe, 1998. P. 108-109.

Posen B.R. The Security Dilemma and Ethnic conflict // Ethnic Conflict and International Security. Princeton: Princeton Univ. Press, 1993. P. 103-104.

Toft M.D. The Geography of Ethnic Violence: Identity, Interests and the Indivisibility of Territory. Princeton: Princeton Univ. Press, 2003.

Woodward S.L. Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1995.

REFERENCES

Argumenty i fakty[Arguments and Facts], 2013. № 38. P.5 (In Russian).

Avksent'ev V.A. Tendencii razvitiya etnokonfliktnoj naprjzhennosti na juge Rossii [Avksentyev V.A. Development Trends of ethnoconflict tensions in the south of Russia] // Conflictologiya. Quarterly scientific journal. St.Petersburg, 2005. № 1. P. 93, 95. (In Russian).

Avksent'ev V.A., Zinev S.N., Lavrinenko D.A., Lepilkina O.I., Majboroda E.T. Etnopoliticheskie processy na juge Rossii: ot lokal'nyh k blokovym konfliktam [Avksentyev V.A. Zinev S.N., Lavrinenko D.A., Lepilkina O.I., Mayboroda E.T. Ethno-political processes in the South of Russia: from local to bloc conflicts]. Rostov-on-Don: Publishing. JuNC RAN, 2011. P. 61 (In Russian).

Breuilly J. Nationalism and the State. Manchester: Manchester University press, 1982. P. 53.

Brubejker R. Etnichnost' bez grupp.[Brubaker R. Ethnicity without groups] Moscow, Dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2012. P. 171 (In Russian).

Brubejker R. Mify i zabluzhdeniya v izuchenii nacionalizma / Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma. [Brubaker R. Myths and misconceptions in the study of nationalism / Myths and misconceptions in the study of empire and nationalism] Moscow, Novoe Izdatelstvo, 2010. P. 90 (In Russian).

Conversi D. Reassessing Current Theories of Nationalism: Nationalism as Boundary Maintenance and Creation // Nationalism and Ethnic Politics. 1995. Vol. 1, No. 1. P. 73.

Finkel' E. V poiskah «poterjannyh genocidov» // Pro et Contra [*Finkel E.* Looking for the “lost genocides» // Pro et Contra]. 2011. № 3-4. P. 127 (In Russian).

Gribanova G.I., Sidorenko A.V. Federalizm i razreshenie etnopoliticheskikh konfliktov v sovremennom obshchestve [*Gribanova G.I., Sidorenko A.V.* Federalism and the resolution of ethnic conflicts in modern society] // POLITEKS: Politicheskaja ekspertiza: 2007. Vol. 3, № 3. P. 5-7 (In Russian).

Gunja A. Severnyj Kavkaz: raspredelenie resursov i vlasti na lokal'nom i regional'nom urovnjah [*Gunja A.* North Caucasus: the distribution of resources and power on a local and regional level]// Berliner Osteuropa Info. 2004. № 21. P. 83-88 (In Russian).

Gunja A., Keler Ja., Cjurher K. Empiricheskie issledovanija Lokal'nyh konfliktov. Chast' 1. Vvedenie v metodologiju i metody polevyh issledovanij [*Gunja A., Keler Ja., Cjurher K.* The Case Study of Local Conflicts. Introduction to methods and methodology of field studies]. Moscow, Berlin: Media-Press, 2008. P. 32-33 (In Russian).

Gurr T. Why Do Minorities Rebel? // Federalism against ethnicity? : institutional, legal, and democratic instruments to prevent violent minority conflicts / ed. by Günther Bächler. Chur [Switzerland]: Verlag Rüegger, 1997. P. 10.

Harff B., Gurr T.R. Ethnic conflict in World Politics. 2 nd ed. Boulder, CO: West-view, 2004.

Hogan P.C. Understanding Nationalism: On Narrative, Cognitive Science, and Identity. Columbus: Ohio State University Press, 2009. P. 167-213.

Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 238.

Ignatieff M. The Warrior s Honor. Ethnic war and the modern Conscience. London: Chatto & Windus, 1998. P. 175.

Jan E. Spornye politicheskie voprosy s točki zrenija sovremennoj istorii [*Jan E.* Controversial political issues from the perspective of modern history], Moscow, Politicheskaja enciklopedija, 2014. P. 188-189 (In Russian).

Kowert P. Agent versus Structure in the Construction of National Identity // International Relations in a Constructed World / V. Kubalkova, N. Onufand P. Kowert (eds.). New York: M.E. Sharpe, 1998. P. 108-109.

Limonov E. Gangstery [*Limonov E.* Gangsters] // Izvestija. 2014. 27 janvarja. P. 9 (In Russian).

Malakhov V.S. Nacionalizm kak politicheskaja ideologija: Uchebnoe posobie. [*Malakhov V.S.* Nationalism as a political ideology] Moscow, KDU, 2005. P. 246 (In Russian).

Malakhov V.S. Ponaehali tut... Oчерки o nacionalizme, rasizme i kul'turnom pljuralizme [*Malakhov V.S.* Ones are comig here ... Sketches about nationalism, racism and cultural pluralism] Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. P. 105 (In Russian).

Markedonov S. Istoricheskie fronty Juzhnogo Kavkaza // Monitoring SMI [Markedonov S. historical front of the South Caucasus // Media Monitoring] Source: <http://www.globalaffairs.ru/articles/10246.html> (In Russian).

Miller A. Istoricheskaja politika i ee osobennosti v Pol'she, Ukraine i Rossii // Otechestvennye zapiski [Miller A. Historical policy and its features in Poland, Ukraine and Russia] 2008. V. 5. № 44. Source: <http://www.strana-oz.ru/?numid=46&article=1735> (In Russian).

Posen B.R. The Security Dilemma and Ethnic conflict // Ethnic Conflict and International Security. Princeton: Princeton Univ. Press, 1993. P. 103-104.

Ralich P. Kto est' kto v Bosnii i Gercegovine [Ralich P. Who's Who is who in Bosnia and Herzegovina]. Belgrad, 1992. P. 3-4 (In Russian).

Schlee G. Upravlenie konfliktami: teorija i praktika [Schlee G. Conflict Management: Theory and Practice] Moscow, Deutsch-Russischer Austausch e.V., 2004. P. 52 (In Russian).

Smit D. Prichiny i tendencii vooruzhennyh konfliktov // Etnopoliticheskij konflikt: puti transformacii: nastol'naja kniga Begrhovskogo centra [Smith D. Causes and trends in armed conflicts] Moscow, Nauka, 2007, P. 127-128 (In Russian).

Snajder T. Rekonstrukcija nacij. [Snyder T. Reconstruction of Nations] Moscow-Wroclaw: Summer Garden; College of Eastern Europe Jan Nowak-Jeziorański in Wroclaw, 2013. P. 194-195 (In Russian).

Sokolovskij S.V. Perspektivy razvitija koncepcii etnonacional'noj politiki v Rossijskoj Federacii [Sokolovsky S.V. PrDevelopmental perspectives of the concept of ethnic policy in Russian Federation.], Moscow, Privet, 2004. P. 75 (In Russian).

Soldatova G.U. Psihologija mezhetnicheskoj naprjazhennosti [Soldatova G.U. Psychology of interethnic tension] Moscow, Smysl, 1998. P. 62 (In Russian).

Tishkov V.A. Chechnja kak scena i kak rol' // Antropologija vlasti. Hrestomatija po politicheskoj antropologii [Tishkov V.A. Chechnya as the scene and the role // Anthropology of Power. Chrestomathy of the political anthropology] Ed. V.V. Bocharov. V.2. Political culture and political processes. St.Petersburg, St. Petersburg State University Publishing, 2007, pp. 476 466 (In Russian).

Tishkov V.A. Etnicheskij konflikt v kontekste obshhestvovedcheskih teorij // Social'nye konflikty: ekspertiza, prognozirovanie, tehnologii razreshenija. [Tishkov V.A. Ethnic conflict in the context of social science theories // Social conflicts: expertise, forecasting, technology solutions] Vol. 2. Part 1. Moscow, 1992. P. 25-26 (In Russian).

Tishkov V.A. Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie — osnova stabil'nosti i razvitija rossijskogo obshhestva: Stat'i i interv'ju. [Tishkov V.A. Ethnic and religious diversity — the basis of the stability and development of the Russian society: Articles and interviews] Moscow, Moscow Bureau for Human Rights, «Academia», 2008. P. 45-46 (In Russian).

Tishkov V.A., Shabaev Ju.P. Etnopolitologija: politicheskie funkicii etnichnosti: Uchebnik dlja vuzov. [Tishkov V.A., Shabayev Y.P. Ethnopolitology: political

functions ethnicity: Textbook for universities] Moscow, Moscow University Publishing, 2011. P. 193 (In Russian).

Toft M.D. The Geography of Ethnic Violence: Identity, Interests and the Indivisibility of Territory. Princeton: Princeton Univ. Press, 2003

Woodward S.L. Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1995.

Zaharov A. «Spjashhij institut»: Federalizm v sovremennoj Rossii i v mire [Zakharov A. “Sleeping Institute”: federalism in modern Russia and in the world] Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. P. 112, 114 (In Russian).